Ходаковский Евгений Валентинович

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЛОМОРЬЯ XV-XIX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Статья посвящена воссозданию истории деревянной церковной архитектуры Беломорья XV-XIX вв. на основании письменных источников. Их сопоставление позволяет автору выделить основные периоды развития беломорского деревянного зодчества и выявить закономерности его исторического развития, связанные с определяющим воздействием Соловецкого монастыря.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 726.54(1-22)
Искусствоведение

Статья посвящена воссозданию истории деревянной церковной архитектуры Беломорья XV-XIX вв. на основании письменных источников. Их сопоставление позволяет автору выделить основные периоды развития беломорского деревянного зодчества и выявить закономерности его исторического развития, связанные с определяющим воздействием Соловецкого монастыря.

Ключевые слова и фразы: деревянная архитектура; Русский Север; Белое море; Соловецкий монастырь; древнерусское искусство.

Евгений Валентинович Ходаковский, к. искусствоведения
Кафедра истории русского искусства
Санкт-Петербургский государственный университет
E.Khodakovsky@mail.ru

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЛОМОРЬЯ XV-XIX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ©

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по соглашению, заключенному с Министерством образования и науки РФ по заявке № 2012-1.4-12-000-3004-007 «Искусство России: парадигмы развития в контексте Европейских школ», мероприятия 1.4 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Деревянная храмовая архитектура Беломорья рассматривалась в отечественном искусствознании лишь эпизодически, в основном в связи с реставрацией отдельных памятников. Тем не менее, внимательный анализ письменных источников и обращение к немногим сохранившимся постройкам в определенной степени позволят воссоздать целостную панораму развития деревянного зодчества Беломорья, обозначить его периодизацию, выявить общие закономерности и охарактеризовать возможную региональную специфику.

Безусловно, главным импульсом к появлению храмового строительства в Беломорье послужило основание в 1430-е гг. Соловецкого монастыря, который с самого начала и в дальнейшем на протяжении всей своей истории оставался определяющим фактором в развитии местной церковной архитектуры, причем не только на самом Соловецком архипелаге. Находясь посередине Белого моря, обитель служила своеобразным центром беломорской «ойкумены», втягивая в орбиту своей духовной жизни и хозяйственной деятельности земли на материке. Несмотря на существование в устье Северной Двины древних Николо-Карельского и Михайло-Архангельского монастырей, в судьбе храмового зодчества Беломорья решающую роль В. О. Ключевский отводит Соловецкой обители: «о церквах в Поморских поселениях нет и намека до основания монастыря; они стали строиться уже монастырем, под влиянием его просветительных стремлений» [5, с. 6].

Церковное строительство в Соловецких вотчинах на берегах Белого моря начинается очень быстро, практически сразу же после их приобретения. Уже в 1491 г. издается грамота новгородского архиепископа Геннадия об освобождении от даней и суда благочинных церкви Николы Чудотворца в Варзуге [4, с. 182—183], по всей видимости, открывающей историю деревянного храмового зодчества в Беломорье. Самая ранняя писцовая книга, составленная Ю. К. Сабуровым в 1496 г., фиксирует в бывших владениях Марфы Посадницы «у моря на Суме реке» церковь Николы Чудотворца [Там же, с. 14]. По той же книге значится Троицкая церковь при устье р. Сороки, где преставился в 1435 г. св. Савватий Соловецкий [Там же].

Однако в источниках начала XVI в., по сравнению с предшествующими десятилетиями, упоминания о новых сооружениях в Беломорье практически отсутствуют. Одной из причин замедления темпов строительства могло стать «междуархиерейство» 1509-1526 гг. в Новгороде, нарушившее традиционный порядок выдачи храмозданных грамот. Поскольку освоение материковых вотчин находилось в зависимости не только от новгородского архиепископа, но и от инициатив Соловецкого игумена, отсутствие каких-либо указаний на строительство может быть объяснено и сложной ситуацией в управлении самого монастыря, где с начала 1500-х гг. до 1534 г. сменилось 14 настоятелей. Таким образом, безвластие на архиерейской кафедре в Новгороде и трудности, которые испытывала сама обитель после ухода первого поколения соловецких иноков – Зосимы, Германа, Досифея и Исайи, – становятся весьма неблагоприятными факторами для развития беломорского зодчества.

Ситуация начала меняться с прибытием в Новгород владыки Макария, занимавшего кафедру с 1526 г. по 1542 г. На западном побережье Белого моря с именем Макария связаны как минимум две постройки. В 1527 г. церковь Петра и Павла в Вирме получает льготы по его грамоте [Там же, с. 183—184]. В эти же годы строится и Ильинская церковь Шуезерской волости, упоминаемая гораздо позднее, в 1592 г., в Жалованной грамоте митрополита Варлаама: «по благословению прежнего архиепископа ноугородцкого Макарья поставлена церковь в Шуезере в Лопи святого пророка Ильи» [8, с. 333—334].

© Ходаковский Е. В., 2012

С избранием в 1548 г. в Соловецкие игумены Филиппа Колычева начинается история взаимоотношений Филиппа и Ивана Васильевича, который в первые годы своего царствования выказывал монастырю милость и благоволение. Это было связано в первую очередь с возросшим значением обители после только что прошедшей канонизации ее основателей. В 1550 г. ей была пожалована Колежемская волость, где строится церковь св. Климента Папы Римского [6, с. 144—145]. В 1551 г. была издана другая грамота Ивана Васильевича на владение Сороцкой деревней. Передача деревни в ведение монастыря производилась именно для «церковного сооружения», чтобы почтить памятное место, где почил св. Савватий, канонизированный незадолго до этого. В 1553 г. было подтверждено закрепление за монастырем Сумы, пожалованной когда-то св. Зосиме самой Марфой Посадницей. Одна из древнейших церквей в Беломорье – Никольская – существовавшая уже во второй половине XV в., в 1553 г. теперь упоминается вместе с Успенской. Тенденцию к расширению первоначальных беломорских приходов можно продемонстрировать и на примере Варзуги, где в 1563 г. возле раннего Никольского храма уже стоит и Успенский [11, с. 3]. Возможно, посвящение новых построек в Суме и Варзуге празднику Успения Богородицы связано со строительством на Большом Соловецком острове в 1552-1557 гг. игуменом Филиппом Успенской церкви с трапезной и келарской палатой, открывшей историю каменного зодчества не только на Соловках, но и во всем Беломорье.

Энергичные преобразования Филиппа имели воздействие не только на судьбу монастыря и его вотчин, но и способствовали разветвлению церковной инфраструктуры всего Беломорья. В Сотной 1556 г. впервые упоминаются храмы на Онежском полуострове и на Поморском берегу: в Пурнеме, Кянде, Золотице [12, с. 129—131]. Тот же документ свидетельствует о существовании на противоположном Поморском берегу в Кушереке Успенского прихода и Спасо-Преображенского погоста в Нименьге [Там же, с. 133—135]. Древний погост в устье реки Онеги, упомянутый еще в 1137 г. в Уставной грамоте Святослава Ольговича, в середине XVI в. уже представлял собой храмовый комплекс, «в нем церков Успенье Пречистые да другая теплая церковь Никола чюдотворец» [Там же, с. 123].

Возведение на Соловках Успенской церкви и Спасо-Преображенского собора, непрерывно продолжавшееся с 1552 г. по 1566 г., строительство гавани на Большом Заяцком острове, прокладка дорог, гидротехнические сооружения, интенсивное сообщение монастыря с материковыми вотчинами, дворами и промыслами становятся тем фоном, на котором происходит развитие деревянного зодчества в Беломорье. Поэтому неудивительно, что отъезд Филиппа Колычева в 1566 г. в Москву на митрополичью кафедру сказался на судьбе всей беломорской архитектуры. Последующая опала Филиппа лишила царской милости и его монастырь, от которого зависело благосостояние всего региона.

В 1568 г. северное Беломорье испытало на себе все ужасы опричного террора. Это время надолго осталось в памяти местных жителей как «Басаргин правеж», когда отряды Басарги Леонтьева опустошили Терский и Карельский берега. Тем не менее, интенсивные темпы строительства в период игуменства Филиппа Колычева заложили ту основу, на которой в 1570-е гг. происходит относительно быстрое возобновление строительства. Возможно, в 1570-е гг. был основан Троицкий Муезерский монастырь в западной Карелии [15, с. 30], а в 1574 г. описываются церкви Николая Чудотворца и Рождества Богородицы Кандалакшского монастыря, вскоре упомянутого в известном плане Генриха фон Штадена в 1577–1578 гг.: «Кандалакша – река; на ней — незащищенный посад с небольшим монастырем. Здешние жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами. Здесь – граница Лапландии» [14, с. 63].

Документы конца 1570-х гг. фиксируют, что к тому времени уже были воздвигнуты и многие другие значимые храмы Беломорья. В 1578 г. о существовании Никольской церкви в Шуерецком свидетельствует «Запись слободчика Меньшика Иванова сына и всех крестьян Шуерецкой волости об установлении нового срока разбирательства дела о нарушении межи Соловецким монастырем» [2, с. 123]. В том же 1578 г. был образован приход в Ворзогорах [9, ед. хр. 33, л. 37 – 44 об.]. До шведского набега 1579 г. в Кеми уже стояли храмы Успения Богородицы и Николы Чудотворца [8, с. 320].

Шведская угроза, обозначившаяся еще в начале 1570-х гг., вынудила обратить внимание Ивана Грозного на Беломорье как одно из важнейших направлений в оборонной политике. С 1578 г. Соловецким монастырем начинается строительство Сумского острога, которое, судя по Писцовой книге Андрея Плещеева, в 1583 г. было уже закончено. Старый Никольский храм был перенесен внутрь острога из «деревни на Суме реке», а «ныне поставлено на той деревни церковь Николы чюдотворец» [Там же, с. 199].

Успех воеводы Киприана Загряжского, отразившего нашествие на Кемскую волость в 1580 г., на какое-то время снял шведскую угрозу. Соловецкий монастырь, взявший на себя оборону северо-западных рубежей страны, вернул себе благоволение Ивана Грозного, который к тому времени щедрыми вкладами пытался загладить свою вину перед жертвами опричнины. В самой обители вновь ведется интенсивное строительство – с 1582 г. начинается возведение каменных стен, продолжавшееся до 1596 г. В 1583 г. была освящена каменная Никольская церковь, завершившая формирование основного храмового ансамбля. На этом фоне в 1580-е гг. упоминаются постройки и на берегах Белого моря, которые, видимо, существовали там еще раньше – часовня Ильи Пророка в Лямце (1582 г.), Никольская церковь в Унежме (до 1586 г.), церковь св. Климента в Шуерецком (до 1590 г.) [Там же, с. 183, 307].

Таким образом, «Басаргин правеж» и опала Соловецкого монастыря в конце 1560-х гг. замедлили, но не остановили темпы церковного строительства на берегах Белого моря в 1570-е и даже в тревожные 1580-е гг., о чем свидетельствуют многочисленные упоминания в письменных источниках. Однако перегруппировка шведских сил и неоднократные набеги на Беломорье в 1589 г. и 1590 г. надолго дестабилизировали

ситуацию в регионе и вновь принесли разорение, теперь уже гораздо более ощутимое и продолжительное, чем опричный террор.

Тем не менее, разорение Беломорья и Соловецких вотчин стало отправной точкой для активного единовременного храмостроительства, которое в 1590-е гг. достигает наивысшей интенсивности за всю историю деревянной храмовой архитектуры Беломорья. Основой для этого послужили ощутимая поддержка царской власти и льготы со стороны новгородской кафедры, создавшие благоприятные финансовые условия для преодоления последствий русско-шведской войны. Новгородские митрополиты Александр и сменивший его в 1591 г. Варлаам поддерживают беломорские приходы в основном податными и судебными льготами: летом 1592 г. одна за другой появляются грамоты, регламентирующие сборы с церквей в Шуерецком, Колежме, соседнем Водлозерье [Там же, с. 331-333].

Процесс восстановления церковной архитектуры в западном Беломорье прослеживается уже с 1590 г., несмотря на то, что до заключения окончательного мира между Россией и Швецией было еще очень далеко. В том же 1590 г. по челобитной попа Максима издается благословенная грамота новгородского митрополита Александра об освящении в Сумском остроге двух новопостроенных церквей во имя Успения Божией Матери и Николая Чудотворца. По тексту грамоты до нашествия за острогом стояла «церковь Успенье Пречистые Богородицы теплая с трапезою», которая была разрушена при приближении врага. Особенно интересно указание, что в остроге сохранилась «другая церковь Николы Чюдотворца, студеная, высока добре». Митрополит благословил устроить в Никольском храме Успенский придел и освятить возобновленную двухпрестольную церковь [1, с. 418-419].

К 1592 г., вероятно, уже была восстановлена Никольская церковь в Унежме, где, однако, пока еще не было священника. Похожая ситуация складывалась и в соседней Нюхче, однако митрополит Варлаам высказал надежду, что «дасть Бог, в тех волостех у храмов попы впредь устрояца», и освободил их от уплаты пошлин на 5 лет [8, с. 334—335].

Действительно, со второй половины 1590-х гг. источники все чаще упоминают уже не разорение приходов и волостей, а появление новых церквей. В 1596 г. начинает строиться Ильинская церковь в Панозере [6, с. 166—171], а к 1597 г. относится Никольская церковь в с. Ковда – древнейшая из сохранившихся в Беломорье к началу XXI в. [15, с. 25]. Она изначально представляла собой простую клетскую постройку, состоявшую из основного объема церкви с каскадной кровлей и алтарного прируба с простым двускатным покрытием. Оба сруба имеют широкий повал одинаковой конфигурации, что придает простому композиционному решению согласованность и единство частей. Кровля церкви и алтаря имеет архаичную частослеговую конструкцию, что может служить косвенным датирующим признаком и подтвердить мнение И. Н. Шургина, относящего сооружение Никольской церкви к концу XVI в. Трапезная была пристроена в середине XVIII в.

В 1590-е гг. становятся частыми упоминания храмов в юго-восточной части Белого моря, на Онежском и Летнем берегах. В 1597 г. отстраивается Никольская церковь в Онеге, существовавшая здесь как минимум с 1550-х гг. [6, с. 4-12]. В 1599 г. возводится Никольский храм Пертоминского монастыря, о котором в 1637 г. Яренгский поп Дионисий сообщал в челобитной, что церковь была поставлена его дедом [10, с. 76]. По благословению новгородского митрополита Варлаама в 1599 г. сооружается Никольская церковь в Патракеевке (Мудьюжском приходе) в устье Северной Двины [6, с. 130—137]. Предположительно, к этому периоду можно отнести и шатровую Никольскую церковь в с. Пурнема, хотя традиционно этот памятник датируют 1618 г. [13].

Все эти многочисленные храмы в Беломорье последнего десятилетия XVI в. вновь появляются на фоне интенсивного строительства на Большом Соловецком острове, где в 1590-е гг. мастер Трифон уже завершал кольцо каменных стен вокруг монастыря, а в 1596-1601 гг. шли работы по возведению надвратной Благовещенской церкви.

Заканчивает этот период в истории деревянного церковного зодчества Беломорья Никольская церковь с трапезной Троицкого Муезерского монастыря (1602 г.), архитектура которой имеет ярко выраженную монастырскую специфику. Обширная одностолпная трапезная палата с выделенным пространством для келарской могла появиться под воздействием соседнего Соловецкого монастыря, где в 1557 г. была освящена Успенская церковь с одностолпной трапезной и келарской. Характерная двухчастная композиция Никольского храма Троицкого Муезерского монастыря также может быть объяснена соотношением с каменными трапезными, состоявшими, как правило, из двух объемов: восточного, где размещалась сама церковь с алтарем, и западного, предназначенного для трапезной и хозяйственных помещений. Таким образом, данный памятник, как и многие другие его предшественники, может быть рассмотрен в контексте архитектурной и хозяйственной политики Соловецкого монастыря в Беломорье.

В начале XVII в. Русский Север разделил со всей страной боль и лишения Смутного времени. Зимой 1613-1614 гг. Беломорье испытало ужасы опустошительных набегов, после которых строительство новых церквей приостановилось на несколько лет. Наиболее частыми упоминания о возведении храмов становятся только с 1630-х гг. – это церковь свв. Зосимы и Савватия Надвоицкого прихода (1630 г.), Никольские храмы в Ворзогорах (1636 г.) и Малошуйке (1638 г.). Здесь важно отметить очень важную тенденцию сохранения в беломорском деревянном зодчестве XVII в. и даже XVIII в. признаков, свойственных шатровым храмам конца XVI столетия, заключающихся главным образом в сохранении центрической столпообразной композиции основного объема, увенчанного шатром. Эти черты прослеживаются в архитектуре церквей сёл Нижмозеро (1668 г.), Шелекса (1709 г.), Воздвиженского храма в Усть-Коже (1769 г.).

Другой важной чертой беломорского деревянного зодчества XVII-XIX вв. становится появление храмов с покрытием «кубом». Они появляются практически одновременно с середины XVII в., внося разнообразие и усложненность в облик дотоле простых, лаконичных и оттого суровых деревянных церквей. Относительная «внезапность» может быть истолкована в свете важных событий в художественной жизни Руси того времени – к примеру, деятельности патриарха Никона, напрямую затронувшей и архитектуру 1650–1660-х гг.

Проблема происхождения кубоватых церквей Беломорья остается дискуссионной. Возможно, они стали следствием инициативы Никона заложить на Кий-острове одну из своих обителей. Работы по возведению Крестного монастыря на Кий-острове были связаны с постройкой не только каменных, но и деревянных сооружений, что могло послужить серьезным импульсом для дальнейшего развития местной деревянной архитектуры. Согласно реконструкциям Г. В. Алферовой, срубленная каргопольскими плотниками Михайло-Архангельская трапезная церковь монастыря (1657 г.) имела именно кубоватое покрытие [3]. В таком случае именно этот храм можно считать наиболее ранним примером кубоватого типа, хотя вопрос о генезисе формы куба все равно остается открытым: была ли она свойственна архитектуре Каргополя середины XVII в., либо задана Никоном во время организации им начального этапа строительства на Кий-острове.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обращать внимание при рассмотрении кубоватых церквей Беломорья, – это их принадлежность вотчинам Соловецкого монастыря, куда издавна были приписаны села Шуерецкое, Вирма, Кушерека, известные именно своими храмами, увенчанными кубом. Если принимать как достоверное известие о том, что церковь Петра и Павла в Вирме была построена игуменом Соловецким Варфоломеем и датируется не второй половиной XVII в., а 1625 г., то выявляется еще один возможный источник формирования кубоватого покрытия, нестандартное решение которого объясняется воздействием Соловецкой монастырской строительной традиции. Именно ее мог воспринять будущий патриарх Никон, проведший несколько лет на Соловках и впоследствии так много уделявший внимание архитектурным нововведениям. В таком случае в зодчестве его детища – Крестного монастыря на Белом море, строившегося как «вторые Соловки», – появление кубоватой формы могло стать более акцентированным воплощением некоей тенденции, существовавшей во второй трети XVII в. в местной беломорско-онежской архитектуре. Так или иначе, оставляя открытым вопрос о происхождении кубоватого типа, отметим, что распространение деревянных кубоватых храмов затрагивает именно Карельский и Онежский берега Белого моря, а также низовья р. Онеги, находившихся в сфере экономических интересов и духовного влияния Крестного монастыря на Кий-острове, Спасо-Преображенского на Соловках и Кожеозерской обители, где также игуменствовал Никон. Примечательно, что на Карельском и Поморском берегах Белого моря известные кубоватые церкви (в Шуерецком, Вирме и Кушереке) появляются лишь в 1660–1690 гг., то есть, в период, на который приходится наиболее интенсивное строительство в Крестном монастыре. Примечательно, что со второй четверти XIX в., когда стилистика деревянных церквей все больше приобретает «городской» вид и исчезают традиционные формы, эти изменения почти не коснулись кубоватых церквей в Беломорье, где в силу многовековой традиции строятся такие сооружения, как Никольская церковь в Унежме (1826 г.) и Преображенская в Нименьге (1878 г.), увенчанные массивным кубом.

Таким образом, обозначение периодизации храмового зодчества Беломорья XV-XIX вв., представление целостной панорамы его развития в эти столетия, выявление закономерностей, обусловленных определяющим воздействием монастырского строительства, позволят в определенной степени восполнить пробелы в исследовании истории деревянной архитектуры этого региона и задать перспективу ее дальнейшего изучения.

Список литературы

1. **Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук.** СПб., 1836. Т. 1. 446 с.
2. **Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в.** Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1990. 328 с.
3. **Алферова Г. В.** Ансамбль Крестного монастыря на Кий-острове // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1975. № 24. С. 83–93.
4. **Досифей, архим.** Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев. М.: Университетская типография, 1836. 724 с.
5. **Ключевский В. О.** Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае: опыты и исследования. М., 1912. 24 с.
6. **Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии.** Архангельск: Типо-литография наследников Д. Горяйнова, 1896. Вып. 3. 267 с.
7. **Летописец Соловецкий на четыре столетия.** М.: Университетская типография, 1833. 174 с.
8. **Материалы по истории Карелии XII-XVI вв.** / под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941. 440 с.
9. **Национальный архив Республики Карелия** (НАРК). Ф. 229. Оп. 1.
10. **Савич А. А.** Соловецкая вотчина XV-XVII вв. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь: Издательство ПГУ, 1927. 280 с.
11. **Сборник грамот Коллегии экономии.** Пг.: Государственная академическая типография, 1922. Т. 2. 651 с.

12. **Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период)** / под ред. П. А. Колесникова. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1981. 192 с.
13. **Ходаковский Е. В., Курина Н. Н.** Никольская церковь в селе Пурнема и деревянная архитектура Беломорья XVII-XVIII вв. // Архитектурное наследство. М.: НИИТИАГ РААСН, 2010. № 55. С. 59-66.
14. **Штаден Г. фон.** Записки о Московии. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1925. 182 с.
15. **Шургин И. Н.** Исчезающее наследие: очерки о русских деревянных храмах XV—XVIII вв. М.: Совпадение, 2006. 200 с.

TEMPLE ARCHITECTURE OF THE WHITE SEA REGION IN THE XVTH-XIXTH CENTURIES: PROBLEMS OF PERIODIZATION

Evgenii Valentinovich Khodakovskii, Ph. D. in Art Criticism
Department of Russian Art History
St. Petersburg State University
E.Khodakovsky@mail.ru

The author discusses the reconstruction of the wooden church architecture history of the White Sea region in the XVth-XIXth centuries on the basis of written sources, comparing them determines the main periods of wooden architecture development within the White Sea region, and reveals the regularity of its historical development related to the determinative influence of the Solovki Monastery.

Key words and phrases: wooden architecture; Russian North; the White Sea; the Solovki Monastery; Old Russian art.

УДК 94(37).05
Исторические науки и археология

Данная статья посвящена анализу борьбы с различными видами недобросовестного обвинения, выделяемыми в практике римских уголовных судов периода Поздней республики: calumnia, praevaricatio, tergiversatio. Автор считает эти преступления «неизбежным злом» в условиях отсутствия в Древнем Риме института государственных обвинителей и приходит к выводу, что попытки борьбы с недобросовестными обвинителями римскими законодателями, несомненно, предпринимались, однако они так и не достигли своей цели.

Ключевые слова и фразы: Поздняя римская республика; общественные обвинители; ложное обвинение; преварикация.

Вячеслав Константинович Хрусталёв
Кафедра всеобщей истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
vyacheslav-hrust@mail.ru

БОРЬБА С НЕДОБРОСОВЕСТНЫМИ ОБВИНИТЕЛЯМИ В УГОЛОВНЫХ СУДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ©

Как известно, институт государственных обвинителей, чьей обязанностью являлось бы привлекать к суду лиц, заподозренных в уголовном преступлении, в Поздней римской республике отсутствовал. Вместо этого право подачи жалобы на любые противоправные действия было предоставлено каждому совершеннолетнему римскому гражданину вне зависимости от того, имеет он какое-либо отношение к заявленному делу или нет. Институт общественных обвинителей был краеугольным камнем системы римского уголовного судопроизводства. Таким образом, государство в очень значимом для себя вопросе, вопросе наказания преступников, находилось в полной зависимости от доброй воли частных лиц (подобная ситуация, к слову, вообще характерна для античности – ср., например, с классическими Афинами [3, с. 184]). Эта проблема представляется ещё более важной в свете того обстоятельства, что само определение «уголовных преступлений» (delicta publica) в Римской республике отличалось от нашего. Под ними понимались, прежде всего, противоправные деяния, затрагивающие интересы общества в целом, – такие как вымогательство (crimen repetundarum), предвыборные махинации (ambitus), казнокрадство (peculatus) и ряд других – и лишь немногие, наиболее опасные преступления против отдельных граждан (например, убийство). Естественно, поэтому государство пыталось каким-то образом поставить под контроль деятельность общественных обвинителей и гарантировать добросовестное исполнение ими принятых на себя обязанностей.

Определённые усилия для этого прилагались ещё на самых ранних стадиях подготовки к судебному процессу. В Поздней римской республике процедура привлечения к суду какого-либо лица по обвинению в уголовном преступлении включала в себя ряд этапов. Первым шагом было *postulatio* – устное заявление претору

© Хрусталев В. К., 2012